
Дия Сёмина
Внезапно замужем
или Как спасти репутацию

Дия Сёмина

Внезапно замужем, или Как спасти репутацию

«Автор»
2026

Сёмина Д.

Внезапно замужем, или Как спасти репутацию / Д. Сёмина — «Автор», 2026

Каждый день в газетах выходят статьи, в которых мою репутацию последовательно раздирают в клочья. Да, мне есть что скрывать, но я не преступница, а жертва мошенника, но кого это волнует, если я всего лишь помеха между огромным состоянием и толпой алчных родственников.Альтернативная Российская империя. История попаданки. Мир без магии, любовь, романтика и приключения. Интриги и тайны. Становление героини. Детектив

© Сёмина Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Изгнанная из «Эдема» 5
Глава 2. Ни капли сочувствия 10
Глава 3. Смирись 15
Глава 4. Не тот адрес? 18
Глава 5. Плачьте, женихи… 22
Глава 6. Роковая встреча 26
Глава 7. Стенография 29
Глава 8. Подопечная 33
Глава 9. Место встречи изменить нельзя 36
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Дия Сёмина
Внезапно замужем, или Как спасти репутацию

Глава 1. Изгнанная из «Эдема»

Хочешь рассмешить Бога — расскажи ему о своих планах…

— Я всегда знала, что ты двуличная, лживая и… и… развратница! — брызгая слюной, прошипела Колесникова и костлявым указательным пальцем чуть было не выбила мне глаз. Едва успеваю отшатнуться, но она и не думает отступать.

Не поняла, к чему такой выпад. В Благородном пансионе «Оранжерея» категорически запрещено столь грубое обращение и уж тем более подобные ужасные обвинения без предъявления доказательств. Сначала подумалось, что Матильда заболела и не в себе. Но нет, она полностью осознаёт, что делает и что говорит, причём нарочно громко, чтобы услышали все на этаже.

— Сударыня, прекратите истерику и будьте любезны объясниться, иначе я буду вынуждена рассказать об этом инциденте…

Она не позволила мне договорить — грубо, как базарная баба, перебила и, подойдя ещё ближе, продолжила изливать гнусные обвинения бог знает в чём. И, кажется, подобные слова с этой минуты будут преследовать меня всюду.

— Я никогда не верила, что такая, как ты, вся из себя красивая и умная до зазнайства, на самом деле решит посвятить себя работе в пансионе. Нет, ты из тех, кто тайно творит подлые дела, а потом с невинным видом просится на службу. Кто он? Красивый, но нищий? Ты была беременна? Фу, какая мерзость! Тебя касался мужчина?

Её шипение взвилось к потолку, заставив звенеть люстры, и, словно ледяной дождь, окатило меня с головы до ног липкой грязью. Такие обвинения в этом обществе равносильны смертному приговору.

Подавляя ярость, теперь уже я делаю шаг навстречу и отбиваю атаку, но сдержанно: ведь я благородная, и даже если эта ненормальная в том не уверена, остальные не увидят во мне того, в чём меня пытаются обвинить, — порочности. Я не хамка!

— Вы с ума сошли, сударыня? Прекратите нести околесицу. Я знаю правила пансиона: здесь нельзя работать замужним женщинам. И я никогда бы их не нарушила. Для меня пансион — всё: дом, семья. Другого у меня нет, я здесь выросла…

— Теперь у тебя и пансиона нет! Тебя вышвырнут на улицу за обман — с волчьим билетом и без рекомендательных писем.

Она с наслаждением впечатывает в меня хлёсткие слова, ожидая увидеть слёзы и панику, но лишь сильнее меня злит.

— Я не намерена терпеть эти глупые нападки! Вам нужно пройти к лекарю и выпить ведро успокоительных капель, чтобы унять свои пошлые фантазии.

— А ты сходи в кабинет директрисы: туда приехал твой дядя, и у них скандал. Я пришла за тобой. Сейчас они устроят тебе такую взбучку, какую ты давно заслужила.

Неприязнь Колесниковой объяснима — это обыкновенная зависть, но я понятия не имела, что меня настолько ненавидят.

И при чём здесь дядя? Родственники никогда не приезжают ко мне. Лишь два или три раза в год я ненадолго навещаю их, и то без особого удовольствия: они тоже меня недолюбливают из-за давнего спора о наследстве.

Молча выталкиваю разъярённую Матильду из своей комнаты, запираю дверь на ключ и спешу в кабинет к Валентине Фёдоровне, чтобы наконец выяснить, что происходит. И не пора ли позвать ветеринара — вколоть Колесниковой что-нибудь от бешенства, а то у бедняжки вот-вот пена изо рта пойдёт.

— Добрый день, Валентина Фёдоровна, вызывали? Можно войти?

Я коротко постучала и вошла, сразу присела в реверансе и успела заметить, что в кабинете «жарко»: дядя сидит красный как рак и злющий.

Директриса пансиона сдерживает эмоции, но по тому, как едва заметно подёргивается её правое веко (единственный признак раздражения на бесстрастном лице), я понимаю, что скандал нешуточный.

— Войдите, Наталья Николаевна, присаживайтесь.

Она самым обычным жестом указала на стул, и я тотчас села. Спину держу прямо, руки на коленях. Все манеры я вызубрила и отточила до мелочей: ни единого лишнего движения, слова и даже взгляда. Молча жду, когда же мне пояснят, в чём суть обвинений.

— Наталья, потрудись объяснить, что сие значит? — Дядя не выдержал и не протянул, а швырнул в меня какой-то бланк. Я едва успела его поймать, чтобы не пролетел мимо. Читаю и не понимаю смысла написанного.

Это «Свидетельство о браке». Я записана в качестве жены, а в строке «Муж» значится Андрей Петрович Уваров. И что страшнее всего, дата бракосочетания — чуть более двух лет назад. То есть до того, как однажды в этом прекрасном теле очнулась я.

— Это какая-то ошибка, — только и нашлась я что пролепетать. А в голове вихрем проносятся мысли, одна хуже другой. Наташа не собиралась оставаться в пансионе. Это исключительно моё желание: мне здесь уютно, комфортно, безопасно. Я уже полюбила «Оранжерею» и не хочу её покидать. Те самые слёзы, которых так ждала от меня Колесникова, теперь катятся по щекам.

— Этот документ Василий Тихонович лично забрал из городской управы. Я не поверила своим глазам. Но здесь твоя подпись. И самое ужасное: к нему прилагается ещё и сопроводительное письмо из полиции. Андрея Петровича Уварова не существует.

— В каком смысле? Может быть, это розыгрыш? Месть? Если этого человека нет, значит, брак недействителен?

Робкая звёздочка надежды затеплилась на моём чёрном небосклоне.

— Нет, брак законный, а то, что этого мужчину не могут найти, означает, что развестись вам невозможно. Это позорное пятно, которое погубит вашу репутацию и, к моему ужасу, заденет Благородный пансион «Оранжерея». Посему прошу вас, Наталья Николаевна, незамедлительно покинуть наши стены и больше сюда не возвращаться. Я так верила в вас, так верила…

Валентина Фёдоровна закрыла глаза и прижала руку к груди. Этот жест, который я тоже знаю наизусть, кричит о душевной боли, но он такой же фальшивый, как и её «доброе расположение» ко мне. Ещё ничего не ясно, а она уже ссылает меня куда подальше, не позволяя оправдаться.

Пока я в ужасе собираюсь с мыслями, вмешался дядя:

— Позвольте, сударыня! Она согрешила, находясь на вашем попечении. И я, по-вашему, должен забрать эту… племянницу к себе? У меня две дочери на выданье, на носу бал дебютанток. К нам уже приезжала сваха, мы не можем так рисковать. Нет, я её к себе не возьму. У нас, в конце концов, одна фамилия, люди начнут показывать на нас пальцем. Я приехал за разъяснениями, а вы пытаетесь переложить эту позорную обузу на меня? Увольте!

Дядя вдруг встал, окинул нас злым взглядом и решительно направился к двери. Пытается сбежать, лишь бы не брать на себя ответственность.

— Я заплачу вам двадцать пять рублей, чтобы вы забрали с собой Наталью, а там можете делать с ней что хотите: заставьте её сменить фамилию, сошлите в деревню или в монастырь.

Поймите, у меня всё зависит от меценатов и покровителей. Если они узнают, что в Благородном пансионе одна из старших девиц посмела тайно выйти замуж за проходимца, разразится скандал!

— Пятьдесят рублей, и я вывезу её из вашего заведения, а там посмотрим.

— Хорошо! Пусть будет по-вашему. Наталья Николаевна, потрудитесь собрать свои вещи, не заставляйте ждать своего почтенного дядю.

Они так легко договорились выкинуть меня, словно какую-то заразную дрянь, нисколько не стесняясь и не позволяя даже спросить, что мне делать дальше. Ведь этот муж — явный аферист, он, наверное, и счета в банке…

— А мои счета?

Василий Тихонович зыркнул на меня и вернулся в своё кресло. Теперь он внимательно наблюдает, как Валентина Фёдоровна отсчитывает ассигнации — немаленькую цену моего позора. Но всё же удостоил меня ответа:

— Да, первый счёт пуст, но депозит остался, с него снимут запрет через год. Хотя бы деньги целы. А я так скажу, Наташа: если твой позор заденет нашу благородную семью, отсужу у тебя все деньги брата. Помяни моё слово! Это надо же — выскочила замуж за проходимца! А что, если он тебя обобрал?

— А что, если аферист и подделал документы, чтобы завладеть деньгами? Я жертва в этом деле, меня нужно защитить, а не ссылать с позором, — пытаюсь воззвать к их совести и состраданию, но бесполезно. Хрустальный замок разбит. Идеального, защищённого от мирских штормов места под солнцем больше не существует. Директриса, такая внимательная и заботливая, на поверку оказалась безжалостной стервой. А про дядю я вообще молчу.

— Наталья, ты пытаешься оправдаться, но я уже посмотрела журнал учёта: в те дни тебя в пансионе не было. Этот мужчина вскружил тебе голову и бросил, поживившись скудной суммой с твоего счёта. А теперь ты ещё и лжёшь, выгораживаешь себя — это так непохоже на тебя. Не заставляй меня применять силу. Ступай в свою комнату и собери вещи: через десять минут чтобы духу твоего здесь не было.

Она больше и не пытается скрывать своё истинное лицо, злое и беспощадное, и я её даже понимаю: подобный скандал лишит её щедрых подачек от меценатов. Приседаю в реверансе, скорее по привычке, и выбегаю из кабинета. Пришлось пройти сквозь строй девушек: кто-то смотрит с любопытством, кто-то даже с завистью — ведь я замужем за таинственным незнакомцем, — а кто-то с ненавистью. Матильда снова вышла вперёд и завела старую песню:

— Скоро весь город будет показывать на тебя пальцем!

— Я докажу, что стала жертвой афериста, и, думаю, никто из вас не застрахован от подобной участи. Живите теперь и бойтесь за свою жизнь, репутацию и счета. Этот преступник не остановится. Меня не спасли — и вас не спасут. — Таково единственное напутствие, которое я смогла дать девицам пансиона.

— Строишь из себя жертву? Снова ложь! Я ждала, очень долго ждала, когда же всё вскроется, а теперь отправила с посыльным письмо журналисту. Завтра весь город узнает о твоей пошлой интрижке. Ах, какие там были слова от мужа! Ах, какие нежности!

— Письмо? Но этого человека не существует. Об этом сообщила полиция.

Лицо Колесниковой засияло счастьем победительницы:

— Какая разница, что скажет полиция! Письмо было, и я отправила его по адресу. Скоро в газете напишут про тебя правду!

— Это ведь ты его сочинила и написала? Ах ты…

Нас разняли две надзирательницы. Меня силой втолкнули в карету дяди, вещи, собранные чужой рукой, швырнули под ноги и захлопнули дверцу, крикнув кучеру: «Увози!»

— Наталья, ты была примером для моих дочерей. А теперь этого позора мы не переживём. Лучше бы ты умерла во время эпидемии.

Мне нечего ответить, потому что та Наталья действительно умерла, а теперь в её прекрасном теле я — Наталья Сергеевна Петрова, взрослая женщина, потерявшая веру в счастье, с разодранной в клочья судьбой по милости окаянных девяностых. А ведь мне казалось, что я спокойно и счастливо живу в «Оранжерее», в этом женском раю, на деле оказавшемся таким гадючником, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Только топором — и под корень.

Я даже улыбнулась: ведь если Колесникова действительно сочинила пошлое письмо от несуществующего мужа, то завтра директриса подавится собственным языком, когда откроет очередной номер «Утренней вести».

— Посмотрите на неё, ещё и улыбается! Решено: в монастырь тебя, в нерадивые послушницы! Четыре часа на сон и восемнадцать часов работы — самое место, чтобы выбить из тебя дурь.

— Во мне нет дури. Я совершеннолетняя и не обязана поступать так, как вам хочется.

— В нашем обществе женщина — пустое место, манекен для платьев. Рожать и вести хозяйство — вот твой удел! Но раз муж фиктивный, а ты позорница, я за тебя отвечаю. Мне и решать твою судьбу. Теперь уж точно монастырь.

— А если я найду мужа — того самого Андрея Петровича Уварова? Может быть, он мой настоящий, законный муж и это он за меня отвечает. А вы чужую жену — в послушницы? По судам хотите ходить?

Дядя хмыкнул, и его кулак замер у самого моего носа:

— Два года прошло со дня позорной свадьбы, а он так и не объявился. Это был твой обман, фикция, чтобы избежать нашего контроля и не отдавать деньги. Ты врунья, да ещё и жадная, как твой папенька. Ну, вот где ты у меня, вот! Соглашайся на монастырь, иначе плюну на общественное мнение и засужу! В тюрьму тебя за подлог!

Деликатность, присущая знатным членам светского общества, слетела с Василия Тихоновича, как шелуха. Он уже предрешил мою судьбу, и чем быстрее я сгину, тем для них лучше. Ведь в завещании после меня именно он указан наследником внушительного счёта отца.

Может быть, этот брак — его рук дело? Ведь первый счёт уже пуст, а он за эти два года даже словом не обмолвился…

Глава 2. Ни капли сочувствия

Я никогда не ждала от родного дяди ни сочувствия, ни помощи. Как и сейчас не жду, что они сжалятся надо мной и приложат хотя бы малейшие усилия, чтобы выяснить, что случилось. Хотя бы ради собственного спокойствия. Им проще меня затоптать и забыть, а позже забрать со счёта деньги, пока этого не сделал кто-то под личиной моего так называемого мужа.

Боже, как же я радовалась, когда осознала, что получила такой милый шанс — прожить ещё одну жизнь в теле красивой, немного наивной девицы, оставленной на воспитание в Благородном пансионе с шести лет после внезапной смерти матери, а потом и отца. Видать, Николай Тихонович хорошо знал своего братца и решил оградить дочку от жадных родственников: продал всё имущество, а все вырученные деньги положил на долгосрочный депозит. И оказался прав во всём.

Что до меня, то перспектива безопасной, предсказуемой и спокойной жизни в «Оранжерее» показалась восхитительной. После блестящего окончания обучения директриса с радостью приняла меня на должность старшей дамы в класс семилеток. Год работы на этой должности пролетел, даже не заметила, я всю себя отдавала девочкам. Казалось, я нашла своё место в этом «надёжном» мире.

И внезапно, как снег на голову летом, обрушилась ужасная новость, о которой я даже подумать не могла.

У Наташи где-то есть законный муж.

Откуда?

Она же нежный цветочек, белокурая, голубоглазая, улыбчивая, не девочка, а ангелок, мира и не видела, и не знала, росла в закрытом заведении со строжайшими правилами.

Ан нет! Дева оказалась с секретом и не так наивна, как её многие считали из-за смазливого личика. Она была умной и скрытной, стремилась вырваться на свободу?

Внезапно вспомнила, что среди личных вещей, вместе с простенькими украшениями, лежало колечко. Очень похожее на обручальное.

Тогда я подумала, что это память о матушке, но неужели замужество — её личный план и муж всё же существует?

Страшно предположить, что она сама решилась на аферу и все обвинения в мой адрес правдивы. А ведь сейчас этим делом занимается полиция, и если всё выяснят, то меня точно накажут по всей строгости закона. И оправдания из серии «Я ничего не знала, и вообще, я попаданка!» сделают только хуже.

Надо было раньше разведать все тайны, а не радоваться, что жизнь такая прекрасная и всё хорошо.

Прикусываю губу, чтобы случайно не проговориться вслух и не доставить удовольствие дяде слезами. Смотрю в окно кареты и пытаюсь придумать план на ближайшее время. Но ничего не получается, дядя прав: в этом обществе женщина и шага ступить не может без близкого мужчины, хоть какого: брата, свата, отца, дяди, мужа, деда. Единственный способ выжить без опеки — работа в пансионе или в семье, но меня только что лишили этой возможности.

Теперь Василий Тихонович распоряжается моей судьбой полностью, я его рабыня.

Дядя и неизвестный, но законный муж.

Андрей Петрович Уваров.

Единственное, что пришло в голову: «Мне во что бы то ни стало нужно разыскать этого человека!»

Бросаю быстрый взгляд на дядю и снова отворачиваюсь. Надеюсь, он не заметил внезапной решимости действовать. Нет, сидит красный, сердитый. Как бы от злости удар его не хва-

тил! Помрёт, и тогда мне вообще ничего не простят: ни счёта с деньгами, ни замужества, ни «убийства» собственного дяди.

Карета остановилась около приличного особняка Соколовых. Лакей открыл дверцу, удивился, что я приехала, но подал руку и помог спуститься.

— Проводи Наталью Николаевну на мансардный этаж, в комнату прислуги, и не забудь запереть.

Грозный рык Василия Тихоновича мгновенно расставил всё по своим местам: я теперь пленница, не гостья и не родственница.

Так, к чему эти условности и сантименты? Я им ничего не должна, все вещи со мной: документы, платья и немного денег.

Разворачиваюсь — и бежать!

Это жест отчаяния, любой бы на моём месте поступил так же.

— Держи эту шалаву, держи! — завопил Василий, и проворный лакей не дал ни единого шанса. Догнал, обхватил за талию, и ему это очень понравилось. Уж потискать красивую госпожу — только дай повод…

— Поймал, в комнате запереть?

— Да, и до завтра не кормить. Провинилась так, что и говорить стыдно. Тьфу!

Лакей, довольный, что выслужился, не позволил мне идти самой, так и тащит в дом. Стоит начать сопротивляться, как он сжимает объятия, да так, что и вдохнуть невозможно.

— Поставь меня, нахал! Я баронесса, а ты мужик. Не смей меня трогать! — пытаюсь вернуть субординацию, но слово «шалава», сказанное дядей, напрочь лишило меня всякого уважения у местной публики.

— Мне приказано вас запереть, и я исполняю приказ.

Втащил в широкие двери и наконец поставил на пол. Но руку не отпустил и силой потянул к лестнице.

На шум вышла Прасковья Борисовна в домашнем платье, с книгой в руке. Недолго наблюдала мои попытки освободиться, потом посмотрела на мужа и решилась спросить, раз Василий не потрудился пояснить, что происходит. И почему Степан, обычный лакей, силой тащит госпожу? Опуститься до такого поведения в доме — неслыханное дело! Эдак и вообще можно до катастрофы докатиться и позволить слугам командовать.

— Василий, что произошло? Кто-то потрудится мне объяснить? Зачем ты привёз Наталью посреди учебного года? И почему позволяешь лакею так с ней обращаться? Степан, убери сейчас же руки от племянницы!

Окрик подействовал мгновенно, меня отпустили, но идти в келью на третьем этаже всё же пришлось.

— Сейчас всё расскажу, но наедине, в кабинете. Её завтра же увезут, девочкам знать не обязательно.

Какие ещё гадости говорил дядя, я не расслышала. Явно ничего хорошего. Вот и моя новая келья.

К сожалению, в этом доме очень крепкие двери, сбежать не представляется возможным. Но я решилась: в момент, когда Василий прикажет вывести меня и посадить в карету, чтобы увезти с глаз долой в монастырь, побегу со всех ног, начну кричать и звать на помощь. Что угодно, только бы сбежать.

У меня же есть какая-то родня со стороны матери. Найду их и спрячусь, а когда всё стихнет, тогда и…

В двери вдруг звякнул ключ, и она открылась.

На пороге стоит удивлённая Прасковья. Ей не хватило пояснений мужа, и она решила узнать всё из первых уст.

Новый виток допросов с пристрастием.

— Наталья, как это понимать? Ты замужем? И уже два года? — началось, но теперь с новыми действующими лицами.

— Это чья-то махинация с целью ограбить мои счета. Они, скорее всего, заполучили личные документы и ждали все эти годы, когда депозит можно будет разблокировать и снять с него деньги. Потому я ничего не знала об этом. Вы все решительно обвиняете меня. Но я жертва, меня опорочили, обманули и ограбили!

Прасковья смотрит так, словно принимает решение, как со мной поступить. Неужели у неё есть сердце? Может быть, она сжалится? Надежда такая маленькая, что вот-вот погаснет, но существует же женская солидарность, в конце концов…

Она неспешно закрыла за собой дверь, подошла ближе и присела на скромный стул. Тот скрипнул, но выдержал.

Пухлая, миловидная тётушка иногда казалась мне доброй женщиной, но лишь в те моменты, когда рядом были её любимые дочери и когда мы вместе музицировали или вышивали, другими словами, достойно проводили женские часы. Но стоило нам остаться с ней наедине, Прасковья переставала меня видеть. Ни капли внимания и ещё меньше заботы. Скорее всего, и сейчас она не горит желанием защищать меня.

— Наталья, я выслушала Василия Тихоновича и понимаю, что, скорее всего, твои слова о мошенниках правдивы. Мне очень жаль, что это произошло именно с тобой. И, как я полагаю, этого человека не найдут. Ты навсегда останешься женой мошенника. Возможно, его уже поймали под другим именем и отправили в тюрьму. Что ещё ужаснее для нашей репутации.

Последние слова она проговорила, закатив глаза, и быстро перекрестилась.

— А разве какой-то суд не может признать брак недействительным или после расследования полиции…

Она подняла руку с кружевным платочком, приказывая замолчать и дослушать.

— Ты жила в тепличных условиях и ничего не знаешь о жизни. Мы, светские дамы, давно следим за этим постыдным делом…

— Я не одна такая? — вспыхиваю надеждой.

— Приказываю не перебивать меня! Дослушай, ты словно не в пансионе, а на базаре росла. Итак, дело постыдное. Умерла одна из самых именитых свах, надеюсь, ты знаешь, что это за профессия.

Молча киваю.

— Так вот, у неё была богатая картотека на все семьи. Уж каким образом она её собирала, одному Богу известно, да и Богу ли… Так вот, эту картотеку похитили из её бюро. И вполне возможно, она имела связи с кем-то из таких непорядочных мужчин, которые вот так женились на таких, как ты, богатых сиротках.

— Значит, полиция его найдёт!

— С тобой невозможно говорить. Я пытаюсь донести до тебя, что у этой женщины было очень много данных на богатейшие семейства. Это дело замнут! И ни единого происшествия, подобного твоему, не раскроют. Они ищут картотеку, и более ничего. Потому я предлагаю тебе единственный и самый тёплый, дружеский вариант.

Она замолчала на некоторое время, но я не решилась переспросить. Может быть, она и права и предложит что-то более удобное, нежели монастырь.

— У меня в провинции есть тётя, одинокая старая женщина, и содержание у неё мизерное. Я хочу, чтобы ты поехала к ней и стала для немощной старушки опорой. Твой позор можно смыть только праведным трудом. А что, как не уход за стариками, можно считать праведным делом? Жизнь тихая, туда три дня пути в общей карете. Про тебя забудут через неделю, всплывёт новое имя из картотеки, и все начнут смаковать и лить грязь на другую семью.

— Как понимаю, подумать мне не позволят, это приказ?

— Именно так, дитя моё. Завтра мы сходим в банк, проверим твои счета и напишем заявление, что твоими документами завладели мошенники. Через год вернёшься и снимешь деньги сама. Поверь, это единственный способ спасти твою репутацию. Да и жизнь в провинции не так плоха, как её представляют.

Прекрасно понимаю все её мотивы, но это шанс выжить, и грех им не воспользоваться.

— Я согласна.

— Вот и чудесно, пойду обрадую Василия Тихоновича, что ты одумалась и встала на путь исправления.

Тётя вздохнула, посчитав, что исполнила свою тяжкую миссию, ещё раз взглянула на меня с укоризной и вышла, не забыв закрыть дверь на ключ, а я вовремя прикусила губу. Потому что прям очень хотелось задать один очевидный вопрос.

Почему это для банка мой «муж» мошенник?

А для спасения моей репутации признать этот факт невозможно?

Или родственникам это невыгодно, они выставят меня порочной интриганкой и, когда придёт срок, отнимут наследство отца? Именно так и есть, монастырь мне не светит именно по этой причине: все послушницы и монашки отдают свои сбережения в пользу обители, а моим родным этого совершенно не хочется.

Я и в провинцию не поеду, просто сбегу по дороге. Надо разобраться с этим делом, уж год до наследства как-нибудь проживу, а потом найму адвоката: «И тогда вот вы где у меня будете!» В сердцах потрясла кулачком перед закрытой дверью и услышала, что кто-то за дверью толчётся. Подглядывают за мной в замочную скважину? Фу, какая пошлость.

Пришлось пододвинуть стул. И пора проверить, что мне собрали в пансионе, мои ли вещи, а то уже никому не верю.

Развязываю узлы на простыне и сразу вижу смятое свидетельство о браке. Очень странно, что его не забрал дядя. Личная карточка, свидетельство об окончании Благородного пансиона и лучшая характеристика, которой теперь грош цена.

Все личные вещи на месте, видимо, собирала их Клавдия, моя добрая приятельница и соседка по комнате. Какое счастье, что она сообразила и сама всё сделала. Три простых платья и костюм, бельё, две пары обуви, чулки. Продолжаю перебирать вещи и складывать их в узел аккуратнее и вдруг вижу, что в ботинке что-то лежит.

Вытряхнула на кровать и обомлела: мешочек с моими украшениями и несколько приличных ассигнаций. Только Клавдия знает про наш тайник. Боже, у меня есть деньги, мои кровные, заработанные за год службы в пансионе, и они завёрнуты в измятую записку.

Только я хотела возликовать, как в дверь снова настойчиво постучали:

— Натали, ты там? — как невовремя пришла старшая из двух дочерей Василия Тихоновича.

— Я заперта на ключ, где мне ещё быть? Фиона, уходи, иначе тебе попадёт, а меня вообще сошлют на каторгу.

— Но мне надо поговорить, ты правда замужем? Он красивый, ты в него влюбилась, и он тебя бросил? Расскажи, или скажу маменьке, что ты беременна от него. Или НЕТ! Ты беременна и потому купила фиктивные документы о браке?

Вот так и рождаются грязные сплетни…

Глава 3. Смирись

Я вдруг обрадовалась, что дверь заперта на ключ. Навязчивая Фиона не сможет войти и доставать глупыми вопросами.

— Мне совершенно нечего рассказывать, я сама узнала эту ужасную новость два часа назад, твой отец знает больше. Он лишь швырнул в меня документ о замужестве и пригрозил сослать. Иди расспрашивай родителей. Скорее всего, это их рук дело, они меня продали замуж, чтобы прибрать к рукам наследство, а теперь, когда полиция заинтересовалась этим делом, пытаются свалить всю вину на меня! Довольна? Такая правда тебя устроит?

— Ты мерзкая дрянь! Мы к тебе со всей душой, терпели на праздниках за своим столом, а ты вот чем платишь? — Фиона в бешенстве стукнула кулаком по двери и сбежала.

— Да уж, воспитания в девицах ноль, интересно, об этом свахи предупреждают своих незадачливых женихов-клиентов?

Совершенно всё равно, что она там наговорит своей матушке. Скорее прячу ассигнации в бюст, надеясь, что обыскивать меня не будут. По карманам рассовываю жемчуг, золотые колечки и серьги, не так густо, но здесь есть ломбарды. Клавдия рассказывала о том, как выкупала свои драгоценности, проданные непутёвым братом. Пока она жила в пансионе, он беззастенчиво всё спустил, играя в карты, и никто не показал на него пальцем, и о репутации не заикнулись.

Что позволено одним, другим категорически нельзя.

Наверное, если поймают моего «мужа», то ему ещё и медальку выдадут за смелость и храбрость, ведь смог обмануть наивную девицу. Думаю об этом, глядя на то самое колечко.

О, сколько нам открытий чудных

Готовят просвещенья дух

И опыт, сын ошибок трудных,

И гений, парадоксов друг…

Точнее и не скажешь. Сколько ещё парадоксов скрывала Наталья, одному богу известно. Но кажется, что родственники к замужеству не имеют отношения. Для них этот сюрприз такой же неожиданный, как и для меня.

Всё собрала, а то, что нужно спрятать, — спрятала, вздохнула и, наконец, села прочитать записку Клавдии.

«Дорогая моя Нати, мне так жаль, что ты стала жертвой мошенников. Вот адрес моей родственницы Варвары Михеевны. Если дядя тебя выгонит, то попроси у неё помощи, она владеет небольшим домом, сдаёт комнаты, и для тебя местечко найдётся. В следующие выходные я обязательно приеду навестить тебя. Не грусти, ты ведь в шаге от свободы».

Опускаю руки с запиской на колени и смотрю в окно на тучи, гонимые ветром, — вот они точно свободные.

Снова прочитала адрес Варвары Михеевны, хозяйки доходного дома. Кстати, свободная женщина и сама ведёт дела, ведь можно же и без замужества обойтись, и без опеки. Но она вдова, и у неё есть сын, так что не такая она и свободная, все условности соблюдены.

Всё, я готова к побегу, раньше ещё сомневалась, но теперь нет. От навязчивой опеки родственников пора избавляться.

А вот и они.

Без стука дядя открыл дверь и прорычал:

— Ты нас решила обвинять в своих же преступных деяниях? Дрянь!

— Пожалуйста, не оскорбляйте замужнюю женщину. Если я найду своего мужа и пожалуюсь ему на ваше обращение, то он наймёт адвокатов и вам не поздоровится. Вы не смеете меня больше удерживать у себя как рабыню, — иду ва-банк, если сейчас не вырвусь, пока они в замешательстве, то потом точно не смогу.

— Ишь, как заговорила! Кто тебя научил этим мыслям? Директриса или сама пошлых романов начиталась? Вот придёт за тобой муж, тогда и отдам из рук в руки, и пусть поспешит, без еды ты долго не протянешь! — Его довод оказался вполне разумным, даже трудно найти, чем ответить. Но я решила давить на страх перед полицией.

— Это жестокое убийство! Вы мой труп куда прятать будете? Болтливая Фиона или лакеи первые же сдадут вас полиции, и мой скандал с нелепым замужеством покажется лёгким недоразумением. Или за убийство сироты, пусть даже состоятельной, вам ничего не будет?

Я решилась и назвала вещи своими именами: морить голодом, ссылать, издеваться над баронессой они не имеют права. Возможно, будь мне лет пятнадцать, то я бы испугалась нападок дяди, но мне намного больше, и я уже ничего не боюсь. Так и стою в центре комнатки с вещами, готовая прямо сейчас уйти куда глаза глядят, только бы подальше от этих «добрых» людей.

— Хорошо, ты сама меня вынудила! Хотела правду — я тебе скажу. Ты бастард, твой отец сошёлся с одной безродной женщиной после внезапной кончины своей законной жены. Потому и сдали тебя в приют после смерти родителей. Никто из порядочных мужчин на тебе не женится, никогда. Ты не баронесса и никогда ей не была! И деньги, что оставил мой брат, тебе не принадлежат. Да, он тебя признал своей дочерью, видите ли, у него была настоящая любовь к Ольге. Но это всё сказочки, он так поступил специально, чтобы насолить мне. И что бы ты ни делала, через год эти деньги я всё равно заберу через суд. Убить тебя — сделать хуже себе. Жить будешь, но взаперти.

Вот это поворот! О таком положении вещей я и не догадывалась. В документах нет ни слова, что мама Наташи — незаконная сожительница барона Соколова. Вот почему родственники ненавидят меня, вот почему отец так поступил с деньгами. И вот почему Наташа решилась на отчаянный шаг — выйти фиктивно замуж, лишь бы избавиться от навязчивой опеки.

Мне всего лишь нужно было уехать из пансиона после окончания всего курса, обратиться в банк и взять кредит, чтобы прожить до того момента, как счёт разморозят. Тогда о таинственном муже никто бы и не узнал.

Стою перед дядей и не понимаю, как реагировать на эти злобные выпады, и вдруг в сознании сверкнула гениальная мысль:

— Сколько денег на депозите? — Я тоже умею говорить прямо, без обиняков: хотят денег — будем говорить о деньгах, как взрослые люди.

— Много, полмиллиона! — Он назвал эту баснословную сумму, тут же расстегнул воротник рубашки и сглотнул ком в горле. Эта сумма сводит его с ума.

За полмиллиона они готовы меня и убить…

Если пересчитать на наши деньги, то это примерно два миллиона долларов.

Мне хватило бы и десятой части для безбедной жизни до самой старости, но я называю свои условия:

— Я возьму себе четверть, остальное вам, но в обмен на полную свободу! Прямо сейчас составим бумагу.

— Дурында, ты уже ничего не получишь без подписи своего неизвестного мужа-мошенника! Ты фактически лишила себя и нас права на эти деньги. Ведь специально? Это ты всё придумала, ведь так? Я тебя насквозь вижу, нашла через сваху проходимца, пообещала ему долю и оформила брак. А сама хотела отсидеться в приюте до двадцать первого дня рождения, так? Ты в преступном сговоре с каким-то ушлым мужиком. Зачем мне доля, если я докажу в суде, что твоё замужество — это мошенничество чистой воды?

Узел с вещами упал на пол. Не знала, что всё настолько запущено.

— Зачем мне замужество, если бы я и так могла прийти в банк, забрать все деньги и вас в известность не ставить? Тогда тем более отпустите меня, найду этого мужчину и потребую развод. И тогда разделим счёт пополам. Всё что угодно сделаю, только бы больше не встречаться с вами.

— А затем! Без мужа ты и чека подписать не сможешь. Разведёшься — тогда я твой законный опекун, и без меня не сможешь ничего сделать. Ты — баба! Смирись, дурында, была бы парнем, разговор был бы совершенно иной. Ты моя собственность, и твоего мужа я сам найду, за такие деньги я его…

Он сделал угрожающий жест, проведя рукой по своему горлу. Хватаю узел и, пока дядя пыхтит от злости, отталкиваю его и бегу по второй лестнице. Не тормозя, сбиваю с ног ушлого лакея и прямиком на кухню, к чёрному ходу. Яркий солнечный свет ослепил, дезориентировал, на мгновение замешкалась. Бежать, скорее бежать! Ну нет, развернулась и на дверь повесила замок, пока они пробегут вокруг дома от парадного крыльца, меня и след простынет…

Глава 4. Не тот адрес?

Я выиграла себе фору в несколько минут. Лакей со всей дури долбится плечом в закрытую дверь, пытается выбить её, ну и пусть, чем дольше слышу стук, тем спокойнее бежать.

За поворотом узкий-узкий проход, протиснулась — и вот уже другая улица, дальше небольшая площадь. Я всегда уезжала в пансион именно отсюда на городской карете, правда, обходила с парадной стороны, но и этот путь помню, осталось пробежать вперёд, запрыгнуть в первый экипаж и на ходу назвать адрес. Какое счастье, что доходный дом Варвары Михеевны находится совсем в другой стороне города.

— Но, пошла, родимая!

Я вжалась в твёрдую спинку сиденья и даже зажмурилась, порой что-то детское во мне всколыхивается, наверное, привычки настоящей Натальи. Но я и сама сейчас дрожу как осиновый лист. Степан понимает, куда я побежала, к счастью, извозчик по столичному обыкновению заставил лошадь сразу набрать скорость и повёз к мосту, в другую сторону от дома Соколовых. Теперь им меня не догнать и не найти. Маленькая девушка в огромной столице такая же незаметная…

— Вот чёрт! Ой! — И по традиции пансиона тут же перекрестила рот после ругательства. — Полмиллиона, Боже мой, меня же за такие деньги просто убьют. И кто знает о настоящей сумме? Дядя, муж, директриса и те, кто украл документы у покойной свахи, — они все откроют на меня охоту, и с каждой неделей, ближе к моему дню рождения, опасность будет возрастать.

Шепчу сама себе, чтобы услышать реальность такой, какая она есть. Почему, интересно, отец Натальи поступил именно так? Мог бы оставить деньги в каком-то попечительском фонде, раз не доверял дяде. Или другого опекуна можно было назначить.

Но теперь уже чего вздыхать. Ситуация такая, какая есть, мне нужно залечь на дно, и дядя был прав, скорее всего, замужество — это реальный план Натальи, только я в него не посвящена и не могу ничего вспомнить. И отсидеться в «Оранжерее» тоже была неплохая идея, увы, план провалился, и теперь я словно очутилась в игре, действую так, как фишка ляжет.

Ненавижу спонтанность!

Я люблю, когда всё степенно, чётко и по плану, когда даже форс-мажорные обстоятельства внесены в список текучки (рутины). Как это было в маленькой районной газете, где я работала помощницей главного редактора до того момента, как в лихие девяностые нас перекупили и сделали рекламным еженедельником. А такие, как я, предпенсионеры, ушли кто куда: кто в технички, а кто-то в небольшие круглосуточные киоски. Бр-р-р-р, какие ужасные годы мы тогда пережили, а вот опять такое же ощущение пугающих, стремительных перемен.

Воспоминания о газете натолкнули меня на мысль. А что, если дать объявление: «Андрея Петровича Уварова в отчаянии разыскивает безутешная жена. Найдись, любимый, я всё прощу». И адрес почты до востребования. Или пусть в само издательство приносят записки для меня, потом приду и заберу.

Показалось, что это вполне реальная мысль, в восьмидесятые годы у нас была такая колонка: «Ищу тебя, отзовись!». И ведь находились люди: и родственники, и друзья, и сослуживцы. Эта идея вдруг стала локомотивом в плане ближайших дел. Только бы Варвара Михеевна не отказала мне в жилье.

Мы проехали довольно долго, пришлось отдать всю мелочь за доставку, чаевых от такой бедненькой красотки извозчик даже не ждал.

— У самой-то хоть деньги есть? — уточнил сердобольный, и я кивнула. Приятно, что не все люди такие жмоты, как мой дядя.

Дом оказался вполне приличным: свежая краска на стенах, окна все чистые, видно, что дела у хозяев идут хорошо, только бы цену не заломила. Одна надежда, что из-за дружбы с Клавдией я получу хотя бы какие-то преференции.

— Добрый день, а могу я поговорить с Варварой Михеевной? — Вхожу в изысканное парадное и сразу спрашиваю у солидного консьержа о хозяйке. Надо заметить, что для консьержа мужчина очень хорошо одет, да и выглядит почтительно.

— Добрый день, юная леди. А кто такая Варвара Михеевна?

Он вышел из-за высокой стойки, осмотрел меня с ног до головы и, кажется, принял за вполне приличную «леди».

— Хозяйка, мне дали этот адрес с рекомендацией. Я выпускница Благородного пансиона, вот посмотрите.

И протягиваю мужчине записку Клавдии.

— Сожалею, сударыня, но вас привезли в совершенно другой район. Названия улиц похожие, и номер дома совпадает, но это другой адрес.

— О, Боже! Я же сама в спешке напутала и назвала извозчику этот адрес.

До меня дошло, какую ошибку я совершила. Названия улиц похожие…

— Так с какой целью вы искали тот дом? Устроиться на работу? — Качаю головой, отклоняя идею с работой. И он тут же продолжил развивать мысль. — Насколько я знаю, там дома не славятся безопасностью и чистотой. Может быть, вы решите осмотреть комнаты на четвёртом этаже? У нас тихо, за порядком тщательно слежу, цена ненамного больше, чем там, куда вы собирались. Или Варвара Михеевна разместила бы вас бесплатно?

— Нет, вряд ли бесплатно, полагаю, что там дешевле, но и мест свободных нет. Если вы мне назовёте цену и покажете комнату, то я подумаю.

— О чём же думать, соглашайтесь. Сейчас позову горничную, она вас проводит, комнаты маленькие, тёплые, цены разные: три, пять и семь рублей в месяц, если вам нужны услуги прачки, то смена белья — двадцать копеек в неделю.

— Кажется, мне подходит. А подруге я напишу письмо. Чтобы не волновалась.

— Конечно, конечно. Здесь недалеко есть почта. Вам понравится.

— Вы так обо мне заботитесь, это немного странно, простите за вопрос, но какая вам выгода? — Я не сдержалась и задала вопрос, который может мне стоить комнаты и доброго отношения. Но лучше узнать на берегу, к чему такие сахарные условия.

Консьерж очень серьёзно ответил:

— Вы одна и благородная, насколько я вижу по вашим манерам, да и по облику в целом. Поймите, в нашем обществе принято заботиться о женщинах, оставшихся без попечения семьи. Ведь я правильно понял, вы сирота?

— Да, я сирота.

— Если с вами что-то случится, а мы вас не поддержали, хотя имели такую возможность, это ужасный проступок.

В этот момент я поняла, что существует иная сторона того «закона» о попечительстве над девицами и женщинами, о котором упоминал дядя. Заботу обязан проявлять любой, кто может. Это общество небезнадёжно…

Горничная поспешно проводила меня на четвёртый этаж, попутно рассказывая про дом: какие здесь условия, где можно взять кипяток для чая, где купить готовой еды или на общей кухне на первом этаже приготовить кашу.

— Вот первая комната, она самая дешёвая, остальные дороже.

Девушка распахнула дверь, и мы с ней застыли на пороге. Она — в ожидании моего решения, я — от удивления. Этот дом продолжает удивлять. Комната очень простая, но солнечная, что весьма редко для Петербурга. Стиль прованс читается во всём: обои, простенькие шторы, кровать и креслице у столика. Небольшой фикус на табуретке в углу. Тумба с умывальником.

На вид даже лучше, чем в пансионе, веселее и теплее.

— Беру, а кому деньги отдать?

— Завтра утром приедет управляющий Глеб Сергеевич и произведёт расчёт.

— А как зовут консьержа?

— Консьержа? Это господин Алексей Архипович Перовский, он хозяин дома, сидел в ожидании своего экипажа. Он замечательный. Разыграл вас? Он любит так шутить над публикой. Вообще, он очень интересный человек, значит, вам очень повезло. Думаю, что он заставит Глеба Сергеевича ещё снизить цену за жильё до того момента, как вы найдёте работу или содержание.

На слове «содержание» я вздрогнула, взглянула на девушку и прошептала, что искать собираюсь только работу. Про то, что я замужем, теперь даже заикаться не буду. И залягу на дно.

Разместилась довольная, надо же, какой замечательный шутник Алексей Архипович, всё же у меня есть ангел-хранитель. Эту счастливую ошибку можно только так объяснить.

Скорее села писать письмо Клавдии на адрес Варвары Михеевны, письмо её дождётся, в этом я не сомневаюсь. Сообщила, что кучер спутал адрес и привёз меня в другой дом, цену за комнату дали хорошую, и я решила не рисковать. И ещё много слов благодарности за собранные вещи и деньги, какие она успела достать из тайника. Без этой поддержки я бы не выжила.

Сложила письмо, конверт и марки куплю на почте и разменяю крупную ассигнацию на мелкие расходы. К счастью, при такой цене за комнату, если очень экономно жить, сбережений хватит почти на год.

«Ничто так не снимает тревожность в женщине, как приличная сумма в кошельке!»

Ага…

А сумма в полмиллиона — эту самую тревожность доводит до уровня панической атаки. Лучше пока не думать о тех деньгах, пора действовать и для начала хоть что-то съесть.

Спустилась на первый этаж и, конечно, никого уже нет в парадной, хозяин дома уехал по делам. Потому и дом так шикарно выглядит, потому что он сам здесь живёт.

После визита на почту решила прогуляться, купить себе ужин и завтрак. Недалеко от дома обнаружилась небольшая столовая, так и называется — «Столовая № 23», не трактир, не харчевня и не ресторан. А столовая с неплохим меню за небольшие деньги. Купила себе блинов, немного пшённой каши, взвар и два варёных яйца. Этого хватит и на ужин, и на завтрак.

Тревожность пока не отпустила, но дышится теперь настолько легче, что даже невозможно описать словами. Кашу решила съесть в самом заведении, пока посетителей мало и на одинокую барышню никто не косится с укором.

— Сударыня, позвольте отдать ваш заказ. — Половой принёс мне тарелку с кашей, горячий взвар, а блины и очищенные варёные яйца — в небольшом горшочке, завёрнутом в газету. — Блинчики отдаю в горшочке, а завтра извольте вернуть горшочек, будьте так любезны. Иначе мне придётся узнать ваш адрес и самому приходить за посудой.

Подмигнул, поставил на стол заказ, мило улыбнулся и ушёл по своим делам, но оглянулся, я ему понравилась, да это и неудивительно.

Но мне не до амурных дел, от голода чуть не поперхнулась. С шести утра даже воды не пила. Быстро съела кашу, надо сказать, волшебно сваренную, уж так распарена, и масла не пожалели. Запила ягодным горячим компотом и решила, что ещё один блинчик в меня влезет. Развернула газету, взяла нежнейший, золотистый блинчик, и вдруг мой взгляд зацепился за фразу заголовка утренней газеты:

«Плачьте, женихи, самая богатая невеста этого сезона оказалась замужем за мошенником!»

— О, мой бог!

Глава 5. Плачьте, женихи…

Испуганно оглядываюсь, вдруг показалось, что несколько посетителей столовой теперь смотрят на меня в упор. Но это только показалось, люди смотрят из-за того, что я одна, красивая и не вписываюсь в принятые условия местной жизни. Барышни типа меня должны быть со взрослой компаньонкой или в сопровождении мужчины и не в таком заведении.

Медленно доедаю блин, вытираю руки о полотенце, оставляю плату — к счастью, на почте мне разменяли крупную купюру — и бегом домой, читать, что там про меня написали, ведь это явно про меня. Не может в один сезон быть сразу двух похожих историй.

По пути домой никто не встретился: ни хозяин, ни горничная. Я пулей промчалась на свой этаж, забежала в комнатку, вымыла руки с мылом и решилась.

Газета оказалась вчерашней, вот почему сегодня утром в пансионе разразился скандал.

«Плачьте, женихи! Самая богатая невеста этого сезона оказалась замужем за мошенником!»

Довольно крупный шрифт, но страница не первая, зато заметка довольно большая. Это подробный обзор, детально расписаны мероприятия, запланированные до самого пышного события в зимнем сезоне — «Бала дебютанток». Маленькие музыкальные вечера, благотворительные базары, театральные постановки, и указаны имена невест, которые будут присутствовать на каждом из культурных событий светского общества.

— Боже, это что-то типа рекламного проспекта, ненароком, как бы вскользь указывают заинтересованным мужчинам, где и когда можно посмотреть девиц на выданье. И даже наши две дочери барона Соловьёва, Фиона и Розалия, дважды упомянуты.

Говорю вслух, забывшись, что уже давно не в пансионе и Клавдии рядом нет.

А вот и та самая острая часть статьи.

«Как стало известно со слов наших осведомителей, самая богатая, идеальная невеста, по слухам, невероятная красавица Н. С. (по понятным причинам не имеем права называть её имя) оказалась замужем. И самое печальное, что её муж неизвестен. Есть предположения, что невинную Н. обманул мошенник, брачный аферист, ведь состоянию девицы позавидовал бы сам царь Мидас, но оно под запретом, деньги на счетах заморожены, и теперь этот пройдоха, не получив своё, бросил несчастную. Бедняжка ведёт затворнический образ жизни в пансионе, говорят, что её сердце разбито на тысячи мелких осколков. Как жаль, она действительно хороша собой и богата, могла бы составить партию самому знатному жениху, но судьба жестоко обошлась с Н. Как жаль, как жаль, что эта восхитительная роза увянет, так и не познав заботливой руки садовника. Но так ли всё на самом деле? Не скрывается ли за картинкой невинности нашей «несчастной» жертвы злой умысел? Скоро узнаем, потому что я проведу для вас самое тщательное расследование этой немыслимой светской тайны».

— Фу…

Мои руки опустились, а газета упала на пол.

Самое ужасное, что автор этой статьи знает гораздо больше, чем написал. Пришлось наклониться, икнуть от сытости и избытка чувств и поднять газету.

Автор: Иван Лазурный.

— Ну конечно, псевдоним, какой-нибудь светский пройдоха, примерно такой же, как и тот, что женился на мне. Или не-е-е-ет, эту статью написала женщина. Сто процентов, это женский стиль, она даже не пытается маскироваться. Слащавые формулировки, пошлые выражения: «эта восхитительная роза увянет, так и не познав заботливой руки садовника». А уж название «Плачьте, женихи!» — совершенная пошлость.

Ещё раз перечитала текст и вдруг начала подозревать, что автор сего опуса — кто-то из моих же «подруг» из пансиона.

Но откуда она знает про замужество?

Откуда знает про состояние?

Неужели Натали перед смертью сама открыла свою тайну какой-то из девушек?

Одни вопросы и ни единого ответа.

Скандал только набирает обороты, а я уже в эпицентре и пострадала. Лишилась всего, выброшена на задворки всех светских событий, а ведь могла бы составить партию…

Промелькнула дикая мысль, что это кто-то всё подстроил, чтобы я не смогла составить конкуренцию менее красивой и менее богатой невесте.

Но нет, в свидетельстве о браке указана дата двухлетней давности. Если только кто-то не подстроил всё задним числом. За деньги можно всё что угодно написать.

А это золотое колечко слишком обычное и не похоже на обручальное. Я знаю этот эффект, когда разум начинает играть в свои игры и подтягивает факты, чтобы заполнить пробелы информации.

Пора очень серьёзно подумать. Вспомнить всё, что хоть как-то могло меня натолкнуть на мысль о…

— Колесникова, Матильда Колесникова. Она что-то кричала, что два года ждала и якобы украла письмо моего «мужа», которое уже отправила в газету как акт разоблачения, что этот мужчина был моим реальным мужем и любовником, но я по какой-то причине его отвергла и почти два года скрывалась в пансионе. И завтра мы всё узнаем!

Мои уши загорелись, как красные лампы, к горлу подкатил ком, а в животе появилось неприятное чувство тошноты. Пришлось встать и сделать несколько шагов взад-вперёд.

Поток мыслей не остановить.

И всё же Колесникова небогата, простенькая, обычная серая мышка, тоже осталась в пансионе на должности помощницы старшей дамы, потому что сирота, но дворянка. Можно сказать, что работает за еду и приют. Она младше меня на год, приличного приданого нет, её мотив один — ненависть на почве зависти.

Придётся завтра на почте написать ещё письмо и отправить Клавдии, попросить её присмотреть за Матильдой, у той явно есть секрет.

Я ещё раз прочитала статью, теперь уже выискивая знакомые фразочки: человек, писавший этот пасквиль, может выдать себя речью. Но ничего не припомнилось, однако, взглянув на дату публикации, снова икнула. События-то развиваются стремительно. Всего сутки, как стало известно о злосчастной свадьбе. Причём от третьих лиц.

После этой заметки дядя сразу помчался в управу, потребовал разыскать документ и нашёл!

НО!

Дядя и Валентина Фёдоровна сказали, что мужа не существует, а, простите, за сутки найти человека или, наоборот, понять, что его не существует, невозможно. Андрея Уварова, должно быть, не зарегистрировали в управе как горожанина. И в полиции о нём не знают, потому что не преступник.

Мой муж Андрей Петрович Уваров — реальный человек.

Вечер прошёл в смятении, всю ночь ворочалась и не могла уснуть и только под утро забылась в тревожном сне.

— Сударыня! Даже не знаю, как вас зовут. Там управляющий приехал, вы бы спустились к нему, на второй этаж, направо от лестницы — кабинет.

Настойчивый стук в дверь вырвал меня из объятий Морфея (сна). Не сразу поняла, где нахожусь.

Изменения в жизни настолько стремительные, что разум ещё не осознал нужду в новых привычках. Потягиваюсь и тут же подскакиваю: я всё проспала, обычно же в пансионе подъём засветло…

Сквозь штору светит яркое солнце, ничего себе, скоро обед, а я отсыпаюсь.

— Да, сейчас. Обязательно подойду! Меня зовут Наталья Николаевна.

— Сделайте милость.

Горничная ушла по своим делам, а я пулей оделась, умылась, расчесала волосы, взяла деньги и документ.

В кабинете управляющего идеальная чистота и характерный запах бумажной работы, такой уютный, как в нашей библиотеке пансиона.

— Добрый день, я принесла вам плату.

Мужчина поднял на меня взгляд, улыбнулся и показал на стул.

— Прекрасная незнакомка. Да, мне о вас сказал Алексей Архипович. Вы пока не нашли работу?

Думала, что он сразу про оплату, а тут про трудоустройство разговор зашёл, не хочется идти горничной, но, кажется, особо выбора и нет.

— Ещё не успела, но думаю, что за неделю найду.

— Эх, наивность — второе счастье. Все приличные места заняты, в обслугу вам не к лицу. Вы же образованная, ведь так?

Киваю, это снова тот самый закон — пристроить сиротку, проявить заботу?

— А как вас зовут?

— Наталья Николаевна С… Уварова.

В последний момент спохватилась и назвала фамилию мужа. Соколовы слишком известные люди, и меня к вечеру уже отдадут в руки дяди как законного опекуна.

— Наталья Николаевна, Алексей Архипович рекомендовал брать с вас два с полтиной рубля в месяц, но три месяца, пока вы не найдёте достойного места. От себя могу добавить, что если нужна помощь, то готов спросить у знакомых, нужна ли им гувернантка или няня, возможно, писарь в бюро. Что скажете?

— У меня есть некоторые соображения насчёт работы, если откажут, то я непременно воспользуюсь вашим предложением. И передайте от меня огромную благодарность Алексею Архиповичу за заботу и щедрость.

Меня переполняют эмоции, надо же, снизили плату, только бы я не попала в неприятности, дали возможность три месяца искать должность. Только бы не выяснилось раньше времени, что я самая скандальная невеста в этом сезоне.

— Глеб Сергеевич, газеты! — Мы разговариваем с открытой дверью, по законам приличия один на один нам лучше не оставаться. В кабинет заглянул парнишка, быстро вошёл и положил стопку газет на стол.

Мама дорогая, верхняя — та самая «Утренняя весть», в которой пишут про мои злоключения. И теперь на первой полосе заголовок. Вижу не весь текст, но и этого достаточно, чтобы покраснеть:

«Письмо незадачливого мужа к бессердечной жене!»

— Что с вами? Ах, эти сплетни, да уж, журналисты нынче превзошли сами себя, это же после внезапной смерти нечистой на руку свахи столько грязных сплетен ползёт по городу. Ни стыда у людей, ни совести.

— Да, ни стыда, ни совести, вы правы. Вот десять рублей, пока за четыре месяца, а если не хватит, я вам позже занесу, хорошо? Пойду, а то мне собеседование назначили, в газете, и…

Мой лепет потонул в весёлом шуме с лестницы, семейство Перовских собралось на прогулку.

Отдала деньги, расписалась в журнале и сбежала на почту, скорее выкупить номер лживой сплетницы… Эту Колесникову сама придушу, если она опорочит моё имя. Уж адвокатов точно найму, все слышали в пансионе, что она заикнулась про кражу личного письма и два года вынашивала план мести.

Глава 6. Роковая встреча

Меня снова охватил жар бессильной ярости. Подлые людишки склоняют моё имя. Хорошо, имя пока не названо, но инициалы и длинный язык Колесниковой мигом разнесут весть, сплетники и без газеты обойдутся.

Тогда отмыть репутацию будет невозможно, я сама попрошусь к немощной родственнице тёти Прасковьи в Псковскую губернию. Спрятаться от позора и влачить почти нищенское существование, притом что у меня огромные деньги на счёте.

Пока бежала, дважды запнулась, чуть не упала, главное — не разрыдаться от обиды.

На почте несколько медлительных господ что-то отправляют, получают, выбирают марки, конверты, прямо как в нашем мире в пенсионные дни. Я бы и без сдачи только за газету сунула деньги почтмейстеру, но не хочу привлекать к себе внимание. Однако, когда подошла моя очередь, откуда-то взялся «солидный» господин, просто подошёл и встал передо мной.

— Сударь! Моя очередь, или я, по-вашему, прозрачная? Вы забыли очки? — Внутренний накал страстей не позволил сдержать эмоции, и я выдала так, как когда-то в давней своей жизни задвигала наглецов.

«Господин» обернулся, заметив, что я миленькая, всё же сказал что-то грубое, но я уже не слышу, кинула на стойку монету, схватила газету и бежать.

В этом мире подобные мне женщины — невидимки, и, может быть, это и к лучшему, никто не решит узнать во мне «САМУЮ БОГАТУЮ НЕВЕСТУ СЕЗОНА!»

Инцидент на почте вдруг возымел неожиданный положительный эффект для моей расшатанной психики. Пока я бедная, на меня никто и не посмотрит. Прошла в небольшой сквер, присела на лавочку и раскрыла газету, собираясь прочитать очередную лживую статейку о себе. Нет, не о себе, а о какой-то Н. С., потому что я с этого момента Наталья Уварова.

Сегодня статья на первой полосе.

«Письмо незадачливого мужа к бессердечной жене!»

Статья началась с очередного обзора мероприятий, и кроме меня ещё двоих девушек проспрягали как глагол. Но с хвалебными интонациями: и честные, и порядочные, и красивы, и состояньице имеется, не сказать, что большое, однако жаловаться женихам не придётся.

А далее та фишка, какую все ждут, — краткий пересказ прошлой заметки о том, что самая богатая невеста оказалась замужем за проходимцем. Причём вывернуто всё так, что проверять нужно, с кем ваши-то девицы записочками обмениваются, чтобы не получилось вот так, как я вам сейчас поведаю, вы только читайте да на ус мотайте.

Просто педагогическая новелла, наставница и праведница, поборница девичьей чести, только за мой счёт.

Потом появилось несколько свежих «нот»: некоторые люди смело предполагали, что девица Н. С. воспользовалась услугами нечистой на руку свахи М. В. Литвиновой, ныне покойной, о которой и сожалеть-то не нужно, ведь в результате махинации богатая наследница заключила фиктивный брак с «несуществующим» молодым человеком. А новая-то сваха куда лучше прежней. Её рекламу скоро опубликуют все приличные издания столицы.

Далее автор признался (призналась), что сам некоторое время считал это замужество фиктивным и порочным, достойным судебного разбирательства. Но вчера один надёжный источник предоставил неоспоримые доказательства того, что молодой человек, некто А. П. У., существует. Он даже какое-то время добивался расположения своей супруги, но та по невыясненной причине это самое ухаживание оставила без ответа. Иначе мы с вами встречали бы эту шикарную пару на прогулке и на светских вечерах. Скорее всего, девица посчитала, что муж ей не ровня, сваха обманула и вместо состоятельного, достойного мужчины «подсунула» нищего клерка, своего протеже и сердцееда, чтобы впоследствии обобрать несчастную Н.

Но нищий муж оказался влюблённым, а как же иначе, жена хороша собой и богата, образованна, но ужасно надменная, самовлюблённая и жестокая, не позволившая несчастному мужчине даже объясниться.

Итак, письмо влюблённого мужа к бессердечной жене:

«Любовь моя, с момента нашей первой встречи я не перестаю думать о тебе, стоит только закрыть глаза, и твой прекрасный образ заставляет меня вздыхать. Но ты меня избегаешь, не отвечаешь на записки и решилась остаться ещё на год в пансионе. Это терзает мою душу невыносимыми страданиями. Умоляю о встрече хотя бы на один час, чтобы я смог доказать свою любовь. Да, я не богат, но у меня крепкое положение в обществе, хорошая должность и приличная квартира, всё это в твоём распоряжении. Ведь я знаю о твоих несколько стеснённых условиях. Прошу, прими меня и всё, чем я располагаю. Скажи искреннее «да» и позволь сделать твою жизнь счастливой».

После дословной цитаты письма бесстыжий автор заметки заверил, что по этому делу есть ещё очень интересная информация и в скором времени «Утренняя весть» обязательно поделится новостями со своими постоянными читателями.

Моя челюсть отвисла от невероятного удивления. И это ещё не вся грязь? Есть ещё что-то?

К горлу подступила тошнота, в бессилии облокачиваюсь на спинку лавочки и задираю голову, чтобы посмотреть на проплывающие облака, хоть что-то чистое и незамутнённое в этом мире.

Пытаюсь перезагрузить разум, потому что с первого раза не смогла «впитать» весь смысл прочитанного в контексте последних событий. Пришлось перечитать. Потом я вспомнила, что письму «мужа» уже больше года и его перехватила подлая Колесникова, а теперь оно стало достоянием широкой общественности.

Андрей Петрович, если прочитал эту статью, то, скорее всего, обвинит меня в подлости. Да меня все обвинят в подлости, весь город. Уж так подать материал, повесив на меня все грехи: и желание выйти замуж, и требования к жениху, и услуги нечистой на руку свахи, а потом жестокая отставка мужу, да ещё и публикация приватной переписки.

— Я засужу эту Колесникову, она будет мне выплачивать компенсацию морального вреда годами. Смеётся тот, кто смеётся последним.

Теперь, решительно настроенная, вернулась домой и написала письмо «счастья» Валентине Фёдоровне с конкретными обвинениями в адрес Матильды, потому что она призналась, что была в курсе всех событий, — это раз. Упомянула, что я сама до сих пор не знаю так называемого мужа. Значит, его письма сочинила сама Колесникова и тем опорочила не только моё имя, но и достоинство Благородного пансиона. И если выставили из заведения меня, то сделайте милость, пока не разразился очередной кошмарный скандал, накажите сплетницу по всей строгости закона. И так далее и тому подобное.

Да, я тоже умею писать кляузы. В своё время не писала, но очень много приходилось перечитывать и отвечать на подобные письма от лица нашей районной газеты.

Чтобы по штампу на письме меня не отследили, пришлось проехать в омнибусе несколько остановок до следующего почтового отделения. А потом я вдруг поняла, что редакция «Утренней вести» находится ещё чуть дальше по проспекту.

— Пора взяться за это пошлое дело, заодно, может быть, найти себе местечко секретаря. Посмотрим, что собой представляет самая толстая газета столицы.

Преисполненная решимости сражаться за себя, открыла тяжёлые двери парадной, вошла и обомлела от ностальгии…

Я должна здесь работать, должна! Как же я скучала по всему, что прямо сейчас меня окружает.

— Сударыня, вы кого-то ищете? — Низкий мужской голос вырвал меня из ностальгического экстаза и заставил вздрогнуть.

Не нашла ничего лучше, как ляпнуть:

— Да, Ивана Лазурного.

Поднимаю взгляд на незнакомца и снова забываю, зачем пришла, а он, кажется, тоже забыл, о чём спросил…

Глава 7. Стенография

В редакции нет привычной парадной, за двойными тяжёлыми дверями сразу начинается рабочий муравейник. Общая зона больше похожа на ту старую американскую систему организации пространства, когда в большом зале несколько широких письменных столов, которые занимают «дежурные» репортёры, обрабатывающие каждый свою тему. Кто-то рекламу принимает, кто-то объявления, кто-то некрологи или другие частные события. Дальше по коридору наборные, ещё дальше — печатное оборудование. В другой стороне административное крыло, картотека, редакторское бюро и кабинеты «элитных» репортёров.

Мне и экскурсии не нужно проводить, я всё знаю, чувствую, понимаю и ужасно скучала по этой атмосфере все последние годы своей пенсионной, тусклой жизни.

Вошла, встала в нерешительности и тут же услышала низкий, приятный мужской баритон. Возможно, ему неинтересно знать, что меня привело в редакцию, а он просто хочет пройти. Но мы внезапно встретились взглядами и застыли.

Он хорош собой до невозможности, но не той смазливой, слащавой красотой, нет, он брутальный, высокий, «крепко сделанный», как говаривал мой отец. Черты лица не грубые, но крупные, мужественные, а уж глаза…

Кажется, что и я на него произвела то самое впечатление, о котором бы мечтала. Пусть он тоже вспоминает обо мне, как я буду вспоминать. Ведь буду.

Он совершенно точно мой типаж мужчины, именно в такого я бы влюбилась без оглядки.

Краснею и опускаю взгляд.

— Вы сказали, что ищете Лазурного? Тогда вам к главреду, он работает с внештатными журналистами. Думаю, что к нему будет очень много вопросов, уж я предупреждал, что не стоит цеплять эту тему. Давайте я вас провожу.

Мужчина крепкой, жаркой рукой дотронулся до моей спины, пытаясь подтолкнуть в нужном направлении, и, сам того не замечая, нарушил этикет и смутился, а я вдруг опомнилась.

— Нет, вообще, я по работе! Ищу место.

— Место?

— Да, я умею очень быстро записывать под диктовку и потом обрабатывать тексты почти в любом жанре. И после меня практически не нужна редактура и корректура. Разве только после работы наборщиков. И почерк у меня каллиграфический и дизайнерский, печатный.

Он стоит и смотрит на меня, как на черепаху, только что обогнавшую зайца в забеге.

Не верит?

— Вы можете меня испытать прямо сейчас, дайте несколько листов, пару острых карандашей и стол или планшет, чтобы писать.

Снова недоверчивый взгляд с прищуром, как будто хочет взять меня на слабо, но я уверена в своей победе. Я отлично владею стенографией. А в этом мире даже понятия такого не существует, об этом я точно знаю, интересовалась вопросом.

— Хорошо! У меня как раз проблемы с формулировками. Но вы женщина.

— А что это меняет?

Он показал мне, куда идти, и хмыкнул:

— Всё меняет, женщины пишут по-женски, не умеют чётко формулировать фразы. Для Лазурного это было бы уместно, а я веду криминальную колонку, понимаете ли, о чём речь?

— Прекрасно понимаю. Но скажу больше: ваш Лазурный — женщина, и она забылась, нарушила многие законы, опорочила имена знатных людей, а кроме того, навела тень на репутацию Благородного пансиона. Я приехала, чтобы предупредить об этом, потому что меценаты и сама директриса просто так не пропустят этот укол зонтиком.

Он снова остановился, строго на меня посмотрел. Желваки на лице и без того слишком хорошо выражены, так теперь они ещё и ожили. Думаю, что в гневе этот криминальный журналист вообще страшен.

— Сударыня, постойте вот здесь. Я обязательно вас испытаю, но мне нужно заглянуть на минуту к главному редактору.

Довольно улыбаюсь!

Впервые мне попался очень сообразительный человек. Он всё понял и, скорее всего, даже предупреждал о подобном исходе дел, но его не послушали, ведь провокационный материал очень хорошо продаёт издание. А теперь я показала, что есть ещё одна сторона конфликта, которой очень не нравится эта пошлая писанина.

И пока у меня нет денег, я начну борьбу чужими силами.

Спустя пять минут журналист вышел. Разговор состоялся, и довольно бурный, а ещё через несколько секунд посыльный выбежал с запиской. Это первая весточка Ивану Лазурному.

А мне теперь жизненно важно здесь остаться, только в газете я узнаю, кто скрывается под этим псевдонимом. И, возможно, если муж существует, то он тоже может потребовать опровержения, хотя его имя ещё не названо.

— Пройдите сюда, это мой кабинет, немного не убрано, но работа…

— Да, да, я понимаю. Но я готова.

Он ещё раз смущённо взглянул на меня, улыбнулся и подал два острых карандаша, несколько листов бумаги и планшет для удобства письма.

— Диктуйте свои мысли так, словно меня нет, я понимаю, когда идут размышления, а когда появляется готовая фраза, и не тормозите.

— Ну, ла-а-а-адно. Вы сами напросились, сударыня.

Я села удобнее, приготовилась так, чтобы максимально быстро писать.

И мы начали.

Дело о каком-то разбойном нападении. Текст сухой, формулировать нечего, просто заметка, довольно длинная из-за множества неприятных деталей.

Я записываю по системе стенографии, и довольно быстро, гораздо быстрее, чем он говорит. Потому успеваю даже вносить некоторые правки в текст.

— Постойте, это же какие-то каракули.

Когда текст закончился, он встал надо мной, посмотрел на исписанные листы и ужаснулся.

— Для вас, а для меня — текст. Дайте минут двадцать-тридцать, и я выдам вам готовую заметку. С мужским стилем. Простите, а как вас зовут?

Журналист в замешательстве потёр лоб ладонью, спохватился и извинился:

— Да, прошу прощения, Дмитрий Михайлович Черкасов.

— Наталья Уварова, очень приятно. Так я сейчас начну?

— Да, да. Может, вам пока чай?

— Было бы чудесно, я сегодня снова забыла позавтракать.

Он покачал головой, что явно означало нечто нелестное по части моей характеристики. Только ветреные натуры выходят из дома, не подкрепившись, или очень бедные. Вышел, оставив двери открытыми.

А я погрузилась в работу, по которой очень соскучилась.

Понадобилось чуть больше получаса, и я закончила писать расшифровку. Будь у меня перо с чернилами, то написала бы каллиграфическим почерком, но карандашом удобнее писать печатными буквами.

«Опыт не пропьёшь!»

Как говаривал наш старый главный редактор. Эх, когда это было.

— Вот ваш чай и пирог с капустой и яйцом, сбегал в соседнюю лавку.

— А вот ваш текст.

И протягиваю ему три листа, исписанных нормальным, ровным шрифтом.

Он пробежался по строкам и уставился на меня с ещё большим любопытством. Я теперь не черепаха, обогнавшая зайца, я жар-птица, которая прожгла дыру в его привычной картине мира.

Довольно улыбаюсь.

— Могу вам платить примерно пятнадцать рублей в месяц, но, учитывая ваш талант, вы успеете ещё и сдельно подработать с нашими коллегами, потому что это феноменально. Просто феноменально. Откуда вы взялись?

— Ох, откуда взялась, там больше нет. Из того самого пансиона, о котором мы с вами сегодня говорили. Ой, это значит, да? Вы меня берёте?

— Надо быть полным идиотом, чтобы вас не взять. Сегодня вы свою работу уже сделали, у меня бы ушло часа три на эту статью. Хорошо, не три, но час точно. Вы пейте чай, а я пока отнесу в набор эти листы. Но ваше имя?

— Нет, не пишите, даже не упоминайте!

Я даже испугалась этого предложения.

— Понятно, как скажете.

Дмитрий Михайлович сделал уверенный шаг к двери, пока я жую вкусный пирог и запиваю тёплым чаем, но остановился и долго посмотрел на меня. Очень долго.

Он криминальный журналист и уже понял, что я та самая Н. С. из пошлой статьи Ивана Лазурного? А я и не собираюсь этого скрывать, я собираюсь предложить Дмитрию Михайловичу сделку.

Глава 8. Подопечная

Дмитрий не смог сдержать восторга (скорее оттого, что ему не нужно изводить себя скучной работой с текстом) и показал статью главному редактору, кратко объяснил суть моего предложения, и через несколько минут я лично получила возможность познакомиться с Ильёй Романовичем, типичным главным редактором большой ежедневной газеты.

Короткое собеседование, во время которого я несколько запутанно рассказала о себе: что сирота, что выпустилась из пансиона и что ищу работу.

— А где научилась так работать?

— Просто нравится писать тексты. Во время учёбы практиковалась, — ответила витиевато, но Илья Романович лишь махнул рукой, улыбнулся и приказал:

— Оформим договор с редакцией газеты, гонорар — двадцать — двадцать пять рублей в месяц. Чем больше материала, тем выше оплата. Всё просто.

— Спасибо большое.

— Тебе спасибо. Если избавишь меня от головной боли, то… Слушай, а ты сама писать умеешь? От себя?

Киваю.

— У нас бывают сугубо женские мероприятия, раз-два в неделю нужно их посещать и описывать, читатели любят такое. Что скажешь?

— Я? Журналистом?

— А я разве не то же самое сказал? Журналистом! А то с Иваном Лазурным, чувствую, у нас начинается сложный период. Нужно его заменить, пока не начались судебные тяжбы.

С трудом удерживаюсь, чтобы не впасть в транс от счастья. Подумать о том, что меня могут узнать двоюродные сёстры и тётя, я не успела. Вести собственную колонку — это предел моих давних мечтаний. Да и бог с ними, с родственниками, парик надену, никто не будет разглядывать скромно одетую журналистку. Но есть одно весомое «но»…

Я как бы замужем за призраком.

И у меня нет официального покровителя.

— А у меня нет официального опекуна. Я живу в доме Алексея Архиповича Перовского, там за мной присматривают, но мне нужна мужская поддержка в обществе, — прошептала, покраснев от стыда. Действительно стыдно просить о такого рода услуге.

— Ты теперь моя сотрудница, я твой шеф, а Дмитрия Михайловича назначу опекуном по всем делам. В договоре об этом пропишем, носи бумагу с собой, как паспорт, и никто не посмеет и слова сказать.

Мне придётся показать начальнику паспорт, но в статье Лазурного указаны только инициалы. Может быть, не обратят внимания на этот маленький нюанс, да и Соколовых в городе полно. Очень на это надеюсь.

Если я про себя стенаю, опасаясь за тайну своей личности, то Черкасов, кажется, выпал из реальности на словах о том, что с этого дня несёт за меня ответственность как мужчина. Хотел что-то возразить, потом взглянул на листы с текстом, снова на меня и решился.

— Хорошо, я возьму на себя бремя ответственности, но сразу предупреждаю: вокруг меня даже тараканы не выживают, фикус и тот засох. Мне же ничего не придётся делать такого, о чём мы все потом пожалеем?

Странная формулировка. Это он на что такое намекает?

— Нет, не придётся. Иногда сопровождение, иногда общение с юристами или другими представителями власти. Да что вы, ей-богу, как мальчик! Неужто не были женаты или у вас нет девушки?

Кажется, редактор перешёл границы дозволенного. Дмитрий снова махнул рукой и вышел под предлогом того, что нужно быстрее отдать статью в набор.

А я прошла в кабинет главного редактора, написала заявление в двух экземплярах. Илья Романович кратко продиктовал основные положения договора и подписал заявление. Один экземпляр отдал юристу, второй — мне. Через день у меня на руках будет официальная бумага.

С этой минуты я стала полноправным сотрудником той самой газеты, которую ещё утром хотела разнести в пух и прах из-за пошлой статьи о моих личных делах с незнакомым мужем. На фамилию Илья Романович даже не посмотрел. Может, и посмотрел, но значения не придал.

Никто не заподозрит во мне самую богатую невесту без места.

Возможно, только Дмитрий, но ему до этих сплетен дела нет.

Вышла из кабинета ШЕФА счастливее сытого енота.

Но всё же потребовалось некоторое время, чтобы осознать, что произошло. Присела на стул в кабинете Черкасова, чтобы отдышаться. События развиваются так стремительно, что нервная система не справляется. Только что сидела в сквере и читала ужасную статью, и вдруг получила должность, причём условия очень приятные: работать всего половину дня после обеда, если нет редакторского задания. По правилам издательства утром журналисты «в полях» собирают информацию, а после обеда пишут тексты и отдают их в набор. Вечером и ночью печатают тираж, а ранним утром развозят по точкам.

— А, подопечная, сидишь? Думал, что уже сбежала…

— Да, вы меня пристроили, накормили, не так всё плохо, как кажется. И я не таракан и не фикус, не сбегу и не засохну, обещаю.

— Хорошо, но я серьёзно, из меня опекун такой себе. Может быть, отметим?

— Что? — Я смутилась. В мою молодость такие «отметим» плавно перетекали в ночные посиделки за очень крепким чаем, разговорами о жизни и…

— Твою должность, мою свободу! Если ты поможешь с текстами, то я наконец вздохну свободно. Я же не журналист. Бывший следователь, с начальством не заладилось, вот пришлось уйти в штатские. У меня так хорошо не получается, как у тебя: с лёту — раз! — и написала. Беру свои слова назад про женский стиль.

Мы теперь официально на «ты». Он по-товарищески подал мне руку, помог встать и повёл на выход. Все сотрудники проводили нас долгими недоумевающими взглядами с каплей зависти. Кажется, только Дмитрий Черкасов не видит во мне красивую девушку, я для него — спасение от журналистской рутины. И это мне в наших деловых отношениях очень понравилось.

Можно расслабиться и быть собой, без жеманства и кокетства, которые сплошь и рядом на законных основаниях приняты в этом непростом обществе.

Но…

Недолго продолжалось наше взрослое дружеское общение. Следующий же вопрос загнал меня в тупик.

— Позволь спросить, почему такая красивая, умная девушка, при этом благородная, ведь в пансионе простые не учатся… Так вот, что я хотел спросить: почему ты не обратилась к какой-нибудь свахе, а пришла искать работу?

— Ам…

Глава 9. Место встречи изменить нельзя

Пришлось извиниться и посетовать на дела, ведь завтра я впервые официально выхожу на работу.

— Но ты не ответила на вопрос. — Дмитрий не повёлся на мои попытки отвертеться от ответа и сбежать.

— Всё сложно. Скажем, из-за наследства. И добавим, что за кого попало я замуж не хочу, а хорошего человека у свахи вряд ли можно найти. Туда обращаются неудачники или те, кому плевать на чувства, им просто нужна жена для исполнения супружеского долга, рождения наследника и решения нудных бытовых вопросов.

Он снова это сделал — окинул меня пронзительным взглядом следователя. Но хмыкнул. Кажется, я в его понимании либо ярая суфражистка, либо начитавшаяся романтических книжек восторженная натура, ищущая любви. И, видимо, ни первый, ни второй вариант ему не слишком-то интересен.

Но я ошиблась, этот человек «жирные» секреты нутром чувствует.

— А ты ищешь настоящую любовь?

Мы уже вышли на улицу и идём рядом, но на небольшом расстоянии друг от друга, как положено в обществе. Услышав провокационный вопрос, резко останавливаюсь. Бесит, когда вот так о настоящих чувствах говорят с пренебрежением. Дмитрий успел по инерции сделать несколько шагов, заметил, что я отстала, и тоже остановился, обернулся и смотрит, как на непослушного ребёнка. Решает про себя, прикрикнуть или конфеткой подманить.

— Я получила второй шанс во время эпидемии. Когда переступаешь черту жизни и смерти, начинаешь ценить всё, даже спокойную жизнь в пансионе, заботу о маленьких девочках, которых сдали родители, потому что поженились без любви. И многие отцы и матери балы любят больше, чем родных детей. Я была этим малышкам за старшую сестру до вчерашнего дня, а теперь всё изменилось. Не хочу становиться одной из тех женщин, кого «пристроили». Идут вторые сутки моей вынужденной свободы, и я пока справляюсь. Вы хотели понять мои мотивы, вот они. Всё просто, если смотреть непредвзято. Спасибо большое за помощь, она бесценна. Завтра к часу дня я буду в офисе, прощайте.

Мимо нас медленно проехал омнибус, и я запрыгнула на подножку, прошла в салон и села у противоположного окна. Не хочу, чтобы он видел моё расстроенное лицо.

И не хочу думать, что такой мужчина — сноб до мозга костей. Но, к счастью, мне с ним только работать. Да и не представляю, как бы мы сейчас «отмечали» мою новую должность. Кажется, я просто спасла нас от неловкой ситуации.

Омнибус в несколько раз медленнее извозчика, но ненамного дешевле. Пять кварталов ехали минут тридцать. Это очень неудобно. Денег у меня достаточно, поэтому завтра утром на работу поеду в карете, а вечером как получится.

С такими мыслями вышла, немного не доезжая до дома Перовского. Решила зайти в столовую, потом в лавки. Нужно купить блокнот, несколько карандашей, небольшую женскую сумку. Жизнь меняется, и теперь я деловая женщина.

Весь вечер «гуляла» по лавкам, потратила довольно много денег, но у меня нет даже элементарных вещей, хотя бы ароматного мыла и полотенца. Новое место, новая жизнь и…

Хотела подумать про новую работу.

А перед глазами снова возник обескураженный образ непосредственного начальника — Дмитрия Михайловича Черкасова. Мои слова про любовь, детей, оставленных в пансионе богатыми родителями, и о втором шансе получились слишком уж эмоциональными. Он хотел узнать правду, и я впервые её выдала, сама не заметила, ведь так говорить в обществе не просто не принято — это запретные темы.

Здесь чувства тщательно скрывают, даже есть множество тайных знаков, которыми привычнее выражать своё внутреннее состояние, как на языке глухонемых. Или коды: когда появляется новая романтичная книга, девушки просто говорят: «Мир Джулии», страница сорок пять.

А я дала волю словам, что непозволительно.

Боюсь, что его уши впервые услышали такую отповедь, да ещё и от женщины.

— Боже мой! — Иду с ворохом свёртков по улице и вдруг останавливаюсь. Потому что поток мыслей вынес меня на пустынный берег, в переносном смысле, конечно. И на этом берегу — одинокий, обманутый, опозоренный сегодняшней статьёй в газете Андрей Петрович Уваров. Муж, суть отношений с которым покрыта многими тайнами. И вполне возможно, что у нас действительно что-то было, хотя бы договор о фиктивном браке. Но настоящая Наташа предпочла об этом забыть и умерла. А я хоть убейся, но вспомнить не могу.

Ни сути договорённости, ни лица мужчины, ничего…

Появилось очень нехорошее предчувствие.

Быстрее спешу к парадному крыльцу, стараясь не растерять покупки, но один пакет всё же вырвался на волю и покатился по мостовой, гонимый суровым балтийским ветром. Скорее всего, женские салфетки, завёрнутые в бумагу валиком. Догоняй теперь его.

— Ох! Да как же это…

Пришлось разворачиваться и бежать за «беглецом».

— Держи! Хотя лучше позволь, заберу половину…

Замираю, и вовремя: чуть было не столкнулась с Дмитрием, поймавшим мой потерянный свёрток. Может быть, ветер и сбившееся от бега дыхание, может быть, неожиданность, с которой Черкасов появился рядом с моим домом, но я так растерялась, что не смогла ничего ответить. Так и стою, как статуя из Летнего сада, одна из тех, что изображают испуг и удивление.

Он примчался за пять остановок только для того, чтобы посмотреть на меня?

— Испугалась?

Киваю, а он забрал два самых неудобных пакета и улыбнулся.

— В твоём заявлении указан адрес, я лишь хотел извиниться за настырность и непозволительную грубость. Нельзя вот так сразу, не зная человека, прорываться в тайны его души. Но ты дала самый достойный ответ, впервые я увидел настоящие чувства.

У меня от городской пыли и конского запаха запершило в горле.

— Кхм. Да не стоило и мне так откровенничать. Но на самом деле женщины в узком кругу общения бывают настолько эмоциональными и зачастую злыми, что лучше бы они продолжали прикладывать кулак к сердцу, изображая боль, чем говорили гадости.

— Вам говорили гадости?

— Да, и я не хочу это обсуждать.

— Они вам завидуют. Действительно, об этом не стоит, лучше поговорим о нас.

Мы так хорошо и спокойно шли, а тут этот вопрос.

Останавливаюсь и смотрю на него с непониманием. Он лишь хмыкнул и пошёл вперёд, пришлось догонять.

— О нас, в смысле о работе. Завтра я планирую до обеда быть в полях, друзья прислали записку, что будут шумные дела. Так что я появлюсь часа в два. Другие тоже не раньше этого времени вернутся, потому не приезжай к часу, лучше к двум, но, наверное, придётся задержаться до вечера. Ещё одну статью напишем: ты, я и наш главред. Заказ от какого-то мецената по поводу фонда помощи нуждающимся, там нужно именно женское, чуткое, сердечное повествование. И только у тебя найдутся подходящие слова.

Выдыхаю с облегчением: о нас, в смысле о работе.

Но, увы, он снова нарушил границы, протянул руку и поправил съехавшую набок шляпку. От быстрой ходьбы и суеты такое с ней приключается. Улыбнулся. Чувствую, хотел повторить

просьбу отметить моё трудоустройство, но передумал, чтобы не испортить то, что сейчас вдруг произошло. Он снова проявил заботу о своей подопечной, и ему понравилось…

— У нас в доме строгие правила, я думаю, вам не стоит меня провожать дальше парадного, — шёпотом пытаюсь вернуть нас в рамки дозволенного.

— Да, но я ваш официальный опекун, сударыня, по долгу службы и должен оставить свой адрес управляющему, таковы правила.

— Правда? — Я даже не догадывалась, что всё настолько строго. Прям СССР и прописка, а ещё и поруки трудового коллектива.

— Вы, сударыня, действительно из теплицы вырвались. Теперь понимаю, насколько вы нуждаетесь в поддержке, и мне это приятно…

Мой «опекун» открыл тяжёлую входную дверь и позволил мне войти, я лишь показала кабинет управляющего, не надеясь, что Глеб Сергеевич на месте. Но он у себя и очень удивился нашему внезапному визиту. Даже любопытно, как это странное мероприятие пройдёт.

— Добрый день, я Дмитрий Михайлович Черкасов, с этого дня считаюсь официальным опекуном Натальи Николаевны. Она работает редактором в газете «Утренняя весть».

— Добрый день, Глеб Сергеевич, управляющий. Только думал о месте, а оказалось, что уже всё устроено. Отличные новости.

Мужчины пожали друг другу руки, оба довольные, что вопрос решился довольно быстро. Словно сдали меня в аренду. Новые подробности этой жизни загоняют меня в нервное замешательство. И как я в столовой-то одна ела, если здесь и шагу ступить нельзя, если об этом не знает «твой» мужчина?

Дмитрий продиктовал адреса газеты и свой личный на всякий случай. Отдал мне свёртки и, быстро простившись, сбежал.

— Поздравляю, работа очень ответственная, не думал, что такая молодая барышня имеет подобный опыт. Примите моё искреннее уважение.

— Благодарю, это моё призвание, потому и оставила пансион, чтобы развиваться в профессии.

— Похвально для столь юной и красивой девушки, вы слишком серьёзны.

— Спасибо большое. Я пойду, до свидания.

— Хорошего вечера, искренне рад за вас.

Кажется, всё идёт намного лучше, чем я даже смела мечтать. И никто не сопоставил дурацкую статью и моё внезапное появление в городе.

Довольная, поднялась к себе и занялась хозяйственными делами.

Нет-нет да останавливаюсь посреди комнаты и стою с улыбкой, прокручивая в памяти пролетевший день, и особенно наши непростые диалоги с Дмитрием.

Так не бывает, чтобы с первого дня я встретила человека, настолько отвечающего моим представлениям о мужчине.

И тут вспоминаю постыдную правду о себе.

Я замужем неизвестно за кем, непонятно на каких условиях и заложница огромного состояния, которое теперь и не забрать, и от которого не откреститься: слишком много желающих и претендующих.

Настроение скатилось в минорную тональность.

Таким и осталось до следующего утра, а к моменту выхода на работу добавилось ещё и неприятное ощущение тревоги. С наскока войти и ошеломить своим навыком легко, тем более на руку приятная внешность. В мужском коллективе я стану центром внимания, и не все такие галантные, как Дмитрий. Да и задачи могут быть разные, волнительно до дрожи в коленях. Но всё равно я собралась, не нарядилась, но кокетливый хвост с бантиком сделала и костюм твидовый выбрала. Он деловой, выглядит как платье, но образ создаёт строгий.

Да о чём я, смотрю на своё отражение в зеркальце и понимаю, что надеть можно любой наряд, даже серое платье прислуги, и я всё равно останусь миленькой, смазливой красоткой, которая в газету устроилась ради чего угодно, только не для работы. Мужа искать? Сплетни узнавать первой…

Да какая разница, пусть думают что хотят, кроме Колесниковой и родственников мне в лицо никто откровенных гадостей и не говорил.

Кстати, про Колесникову. Представляю, как её сейчас чихвостит директриса, почту уже доставили в пансион, а с ней и моё письмо. На конверте подпись некоего Ивана Павловича, чтобы враги не перехватили, а в самом письме я называюсь своим именем. Получите, распишитесь и примите меры.

Очень жаль, что я не вижу этого скандала лично. Думаю, что Клавдия потом расскажет. Пока размышляю, успеваю выйти на улицу, взять карету и назвать адрес газеты. Через пятнадцать минут оказываюсь на месте.

Сердечко бьётся от волнения, мне словно подарили шикарный подарок, о котором я мечтала.

Какой-то пожилой сотрудник почтительно улыбнулся, открыл тяжёлые двери и впустил меня.

— Сударыня, это ваш текст вчера принёс Черкасов?

— Я только редактировала, а текст его, — смущённо пытаюсь сохранить субординацию.

— Отличная работа! Молодец! — Улыбнулся и поспешил в наборную. А у меня за спиной выросли крылья. Паника отступила, и если хоть кто-то доволен, то и хорошо.

— О, новенькая! Добрый день, Дмитрий Михайлович вот-вот должен подойти, а у меня для вас тоже есть работка, маленькую статейку надо подправить. Внештатник принёс, материал жутко сырой, четвертушка.

— Да, конечно, давайте посмотрю.

Журналист быстро отдал мне небольшую карточку. Заметка о каком-то мероприятии по случаю открытия небольшого моста после ремонта. Скорее объявление. Села тут же за свободный стол и на листе сформулировала заголовок и текст.

— Вот, возьмите, если не подходит по объёму, могу добавить. Четвертушку же нужно от колонки?

— О, так быстро! Отличная заметка. Вы наша спасительница. Всё, несу на подпись и в набор.

Мужчина сложил мой лист в папку на подпись главному редактору и убежал счастливый. И я его прекрасно понимаю, голова и так вскипает, он явно собирает одну из полос с короткими новостями, и нет сил и желания переписывать всё, что не слишком хорошо написано. Бывало раньше, что такие «дыры» закрывали фельетонами и заготовками из «волшебной папки».

— Наталья Николаевна, добрый день, задержался. Как вы? — Пока я подтачивала общей точилкой свои карандаши, не заметила, как вошёл Дмитрий. Он светится довольной улыбкой, наверное, материал классный собрал.

— Спасибо, всё хорошо. Я готова работать.

— А обедать не забыли?

— Нет, не забыла.

— Отлично, тогда сделаем так. — Он меня уже ведёт в свой кабинет и снова придерживает рукой за спину. Этот приятный, жаркий жест не согревает, он прожаривает насквозь, заставляя мурашки пробежать по спине, а уши — покраснеть. — Я сейчас продиктую текст, ты запишешь своими знаками. Потом оставлю тебя работать, а сам сбегаю на обед и тебе принесу чай и печенье или пирог, что скажешь?

Он решил, что кормить подопечную входит в обязанности опекуна. Улыбаюсь и киваю, пусть кормит, это приятно, и у него появляется чувство выполненного долга.

— Ой, я свой карандаш на столе забыла, писала заметку, сейчас…

Дмитрий остановился в коридоре, поздоровался с журналистом, которому я заметку написала, создалась небольшая суета, я замешкалась. И в этот момент услышала довольно громкий недовольный вопль:

— Господа, кто из вас Иван Лазурный? У меня к этому подлецу дело. Это же надо, моя жена пропала, её нет третьи сутки, все с ног сбились — и родственники, и я. А тут эти пошлые обвинения. И лживое письмо, которого я никогда не писал! Если из-за травли в этих пошлых статьях с моей Наташей хоть что-то случится…

Я начинаю пятиться назад, в тёмный коридор, и скорее бы спрятаться в кабинете Черкасова. Даже рассмотреть этого рассерженного мужчину не успела. Все замолчали, тишина гробовая, один из парней показывает в мою сторону пальцем и говорит:

— Вам к главному редактору, спросите Илью Романовича, с Лазурным он работает!

И в этот момент мы встречаемся взглядами с моим так называемым красавчиком мужем.

— НАТАША! О, святые угодники, ты жива! Милая моя…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.